

АЛЕКСАНДРА ВЕТРОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ДИКИЙ МЁД ПЫШКА И ХУЛИГАН



Александра Ветрова

Дикий мёд. Пышка и хулиган

«Автор»

2026

Ветрова А.

Дикий мёд. Пышка и хулиган / А. Ветрова — «Автор», 2026

Очень откровенно 18+ Она — Вера, тридцать два года, пышка-кондитерша, которая разучилась верить в себя после развода. Он — Арсений, двадцать пять, рыжий хулиган с зоны, который разучился верить в людей. Их встреча происходит в три часа ночи в маленькой кофейне, когда он врывается в её жизнь с разбитым лицом и ворованными деньгами. Она лечит его раны и кормит сырниками. Он крадёт её сердце — и отказывается возвращать. Между ними — пропасть в возрасте, социальном статусе и жизненном опыте. Но есть кое-что, что их объединяет: одиночество. И дикое, запретное желание, которое невозможно погасить. Смогут ли они построить любовь на руинах своих прошлых жизней? Или прошлое, которое они так старательно хоронят, вернётся, чтобы уничтожить всё?

© Ветрова А., 2026

© Автор, 2026

Александра Ветрова

Дикий мёд. Пышка и хулиган

Глава 1. Ночная посетительница

В кофейне «Сны» пахло корицей, маслом и сожалением.

Вера Соболева стояла у раскалённой плиты, вытирая тыльной стороной ладони пот со лба. Было три часа ночи, за окном месил снег с дождём — тот самый уральский ноябрь, когда не поймёшь, то ли зима наступила, то ли осень решила задержаться на передержку. Она не любила это время года. Слишком темно. Слишком одиноко.

На разделочном столе лежал пласт слоёного теста, который она раскатывала уже в третий раз. Первый порвался. Второй вышел слишком тонким. Третий — Вера зажмурилась — должен быть идеальным. Вишневый штрудель на завтрашнее утро. Постоянные клиенты ждали его, и она не могла подвести.

— Ну же, — прошептала она, проводя скалкой по мучной поверхности. — Давай, родимый.

Её руки — пухлые, с короткими ногтями, вечно в муке — двигались уверенно, даже когда голова была занята другим. А голова была занята цифрами.

Аренда выросла на пятнадцать процентов. Поставщик муки поднял цены. В кассе после сегодняшнего дня осталось три тысячи рублей — ровно столько, чтобы хватило на обратную дорогу домой и на корм коту. Про себя Вера не думала. Она вообще давно перестала думать о себе.

Три года назад ушел муж. Ушёл к Анечке — высокой, тонкой, как тростинка, Анечке с ногами от ушей и грудью второго размера. Перед уходом он сказал: «Вер, ты замечательная, правда. Но когда я смотрю на тебя... ну, понимаешь. Есть в этом что-то от безнадёги. Ты как диван. Уютно, но не возбуждает».

Она тогда ничего не ответила. Съела полбанки сгущёнки, потом ещё полбанки, потом выпила полбутылки дешёвого мартини и разревелась в подушку так, что соседи вызвали полицию. А наутро пошла и зарегистрировала ИП. Кофейня стала ее ребенком. Её терапией. Её могилой и её воскресением одновременно.

— Готово, — выдохнула она, укладывая штрудель на противень и отправляя в печь.

За окном что-то грохнуло.

Вера вздрогнула. Кофейня находилась на первом этаже хрущевки, в промзоне, где по ночам шастали либо бомжи, либо пьяные подростки, либо те, кого лучше не видеть. Обычно она не боялась — дверь была железная, сигнализация — дешёвая, но работающая, а под прилавком лежал газовый баллончик, купленный ещё при муже.

Но этот звук был другим.

Тяжелым. Живым.

Стук в окно.

Вера медленно повернула голову. Стекло витрины запотело от холода и тепла внутри, но сквозь мутную пелену она разглядела силуэт. Высокий. Сутулый. Человек стоял, прислонившись лбом к стеклу, и, кажется, дышал открытым ртом.

Сердце ухнуло куда-то вниз, в район желудка, где еще не переварился ужин из гречки и котлеты.

Она не должна была открывать. Это знал любой, у кого есть инстинкт самосохранения. Но Вера Соболева всегда была той, кто открывает. Кто подбирает бездомных котят, кто даёт

сдачи бомжу на остановке, кто платит за проезд старушке, у которой не хватает мелочи. Муж называл это «синдромом спасателя». Психолог на одной из сессий после развода сказала мягче: «гипертрофированная эмпатия». Вера называла это просто: «по-другому не умею».

Она накинула кардиган — большой, вязанный, серый, который делал её ещё больше, чем она была, но в нем было тепло — и пошла к двери.

Замок щелкнул.

Холодный воздух хлынул внутрь вместе с запахом мокрого асфальта, прелых листьев и... крови.

Парень, стоявший на пороге, не упал. Но должен был.

Он держался ровно, только слегка покачиваясь, как дерево, которое вот-вот выкорчуют с корнем. Лицо — разбито. Вера увидела сначала глаза: зеленые, бешеные, с таким уровнем ненависти ко всему миру, что у нее перехватило дыхание. Потом — бровь, рассечённую до кости, откуда тонкой струйкой текла кровь, смешиваясь с дождём. Потом — скулу, распухшую в синий багрянец. Потом — губы. Тонкие, сжатые в нитку, но в уголке — усмешка.

Кривая. Наглая. Безумная усмешка.

— Чего уставилась, Пышка? — спросил он хрипло. Голос был как наждак. — Кофе не наливаєшь?

Вера открыла рот, чтобы сказать что-то умное — например, «вызвать скорую» или «уберите вон, я вызову полицию». Вместо этого она сказала:

— Заходи.

Он вошёл. И сразу стало тесно.

Он был высоким — под метр восемьдесят семь, наверное, — и весь какой-то неправильный: длинные ноги в разбитых берцах, тощие бедра в грязных джинсах, торс, обтянутый чёрной футболкой с дырами и логотипом какой-то панк-группы, которую Вера не узнала. Кожанка — потертая, с оторванным рукавом, заклеенная скотчем на локте. Волосы — медово-рыжие, невымытые, торчащие во все стороны, как будто он только что вылез из драки (так и было, видимо). Татуировки. Много. На шее — череп, на ключицах — какие-то руны, на руках — грязные разводы, которые Вера сначала приняла за грязь, а потом поняла: это рисунок, специально такой небрежный.

Он остановился посреди зала, огляделся с ленивым презрением и сплюнул на пол. Кровь. Немного.

— Уютно, — сказал он. — Как в морге, только с выпечкой.

Вера захлопнула дверь. Руки тряслись. Она заперлась на все замки и только потом повернулась к нему.

— Вам нужна больница, — сказала она твердо, хотя голос дрожал. — У вас сломана бровь. Возможно, сотрясение.

— Ментов не надо, — отрезал он, даже не посмотрев на нее. Он уже сел за ближайший столик — плюхнулся на стул, закинул ногу на ногу, и только тогда Вера заметила его правую руку. Он держал ее странно — два пальца были вывернуты под неестественным углом. Безымянный и мизинец. Сломаны.

— Боже, — выдохнула она. — У вас пальцы...

— Знаю, — он криво усмехнулся. — Болит. Не смертельно. Кофе, говорю, давай. Черный. Покрепче. И если есть — сигареты.

— Здесь не курят.

— Здесь сейчас будет курят, если я захочу.

Вера посмотрела в его глаза. Зелёные, с жёлтыми крапинками. Бешеные. Но за этой бешенностью — пустота. Такая огромная, холодная пустота, что ей вдруг захотелось заплакать.

— Подождите, — сказала она тихо и ушла за стойку.

Она сделала кофе. Двойной эспрессо, как он просил. Потом, подумав, добавила к нему круассан — вчерашний, но еще съедобный. Потом, подумав ещё, достала аптечку.

Когда она вернулась, он курил. Прямо в зале. Сигарета торчала из разбитых губ, дым вился к потолку, и на фоне кофейни с вязаными салфеточками и фотографиями цветов это выглядело настолько дико, что Вера почти засмеялась.

— Вы не могли бы выйти, если хотите курить? — спросила она, ставя чашку.

— Не мог бы, — ответил он, взял кофе, сделал глоток и поморщился. — Горький.

— Эспрессо горький по определению.

— А ты, смотрю, умная. — Он поднял на нее глаза. И тут его взгляд изменился. Он посмотрел на неё не как на официантку. Не как на дуру, которая открыла дверь посреди ночи. Он посмотрел на неё так, как мужчины смотрят на женщин, когда забывают притворяться.

Вера замерла.

Он разглядывал её лицо — веснушки, пухлые губы, второй подбородок, который она так ненавидела. Потом опустил взгляд ниже — на грудь, большую, тяжёлую, которую даже бесформенный кардиган не мог скрыть. Потом — на талию, которой почти не было, на бедра, широкие, как спасательный круг.

— Толстая, — сказал он без выражения. Констатировал факт.

Вера вспыхнула. Щеки загорелись. Она сжала аптечку так, что пластик захрустел.

— Спасибо, — сказала она ледяным тоном. — Комплименты я принимаю только после второго свидания.

Он усмехнулся. Настоящая усмешка, а не та кривая маска. И в этой усмешке впервые мелькнуло что-то живое.

— Не кипятись, Пышка. Я не про форму сказал. Я про то, что ты... как булка. Мягкая. Теплая. — Он сделал еще глоток кофе. — Такие, как я, любят сладкое. Потому что горького в жизни и так дохрена.

Вера не нашлась, что ответить.

Она подошла к нему, села на корточки — с трудом, потому что колени болели после долгого стояния — и взяла его за подбородок. Он не сопротивлялся. Она повернула его лицо к свету.

— Больно будет, — предупредила она.

— Я привык.

Она начала обрабатывать рану. Перекись зашипела, смешиваясь с кровью. Парень даже не вздрогнул. Только смотрел на неё снизу вверх, и его зрачки были огромными, чёрными, как две бездны.

Вера почувствовала это, когда ватка коснулась рассечённой брови. Жар. Не от его кожи — от её собственного тела. Пульс застучал в висках, в горле, внизу живота, там, где уже три года было пусто и холодно.

Он был молодым. Намного моложе ее. Лет на семь, наверное. Чужим. Опасным. Он только что назвал ее толстой. Он курил в помещении и плевал на пол. Он, возможно, убийца или хуже.

Но его запах — пот, железо, дешёвый табак и ещё что-то дикое, звериное — ударил в голову, и Вера на секунду закрыла глаза, чтобы не застонать.

Он заметил.

— Ай-яй-яй, — прошептал он. — Что я вижу? Пышка завелась.

— Замолчите, — выдохнула она, не открывая глаз.

Он не замолчал. Вместо этого он перехватил ее запястье здоровой рукой. Сильно. Пальцы — горячие, шершавые, в татуировках — сомкнулись вокруг ее пухлого запястья, и Вера дёрнулась, но он не отпустил.

— Посмотри на меня, — сказал он тихо.

Она открыла глаза.

Он был так близко, что она видела каждую веснушку на его разбитом лице. Видела шрам над верхней губой. Видела, как бьётся жилка на его виске.

— Ты кто, Вера? — спросил он. — Почему открыла дверь? Почему не вызвала ментов? Почему лечишь меня, как детдомовского щенка?

— Не знаю, — честно ответила она.

— А я знаю. — Он приблизился еще. Его дыхание — горячее, с запахом кофе и крови — коснулось её губ. — Потому что ты одинокая. Потому что тебя никто не трахал три года. Потому что твой мужик ушёл к швабре, и ты думаешь, что никому не нужна, раз такая большая. Я прав?

— Вы жестокий, — прошептала она.

— Я честный. Это хуже.

Он отпустил её руку. Откинулся на спинку стула, взял круассан и откусил половину. Жевал, глядя на неё, не отводя глаз.

— Вкусно, — сказал он с набитым ртом. — Ты печёшь, как богиня. А выглядишь... как уютный грех.

— Меня зовут Арсений, — добавил он, прожевав. — Рыжий для своих. А ты, сладкая, теперь моя. На эту ночь. — Он усмехнулся. — Не бойся, я не насильник. Я хулиган. Есть разница.

Вера встала. Колени дрожали. Она отошла к стойке, прислонилась к ней спиной и поняла, что у неё нет сил злиться. И нет сил бояться. Только странное, пульсирующее любопытство — что будет дальше.

— Доедайте и уходите, — сказала она. — Пальцы я вам вправлю, но потом.

— Идёт, — кивнул Арсений.

Он доел круассан, выпил кофе, затушил сигарету о дно чашки (Вера мысленно застонала), потом встал и подошёл к ней.

— Давай, Пышка. Вправляй. Только без нежностей.

Она взяла его руку. Пальцы — длинные, тонкие, с грязными ногтями. Безымянный и мизинец торчали вбок. Вера глубоко вдохнула, нащупала костяшки и одним резким движением поставила их на место.

Арсений даже не охнул. Только челюсть сжал так, что желваки заходили ходуном.

— Хорошая, — выдохнул он. — Жёсткая. А я думал, ты только плакать умеешь.

— Я не плачу.

— А надо. Иногда полезно.

Он посмотрел на неё ещё раз — долго, тяжело, с какой-то странной нежностью, которой не должно было быть в его глазах. Потом развернулся и пошёл к выходу.

— Постойте, — окликнула Вера. — Вы... вы не заплатили.

Он обернулся. Улыбнулся. Та самая кривая, безумная, хулиганская улыбка.

— Я ничего не должен тем, кто меня спасает, — сказал он. — Это правило зоны.

Он открыл дверь и вышел в мокрую ночь.

Вера осталась одна.

Она подошла к кассе. Открыла. И только тогда заметила, что из ящика исчезла половина выручки — тысяча пятьсот рублей.

— Ах ты ж... — выдохнула она.

Но почему-то не рассердилась. Почему-то села на стул, который он занимал, прижала ладони к горящим щекам и разревелась.

В первый раз за три года не от жалости к себе.

От чего-то другого. От того, что в её мёртвой, пустой, диванной жизни появился хулиган с рыжими волосами и сломанными пальцами. И она, идиотка, уже знала — он вернётся.

А она откроет.

Глава 2. Гаражный смотр

Арсений проснулся от того, что кто-то ломился в ворота.

Гаражный кооператив «Северный» гудел как улей в семь утра — мужики открывали ворота, заводили убитые «девятки», переругивались из-за места на парковке. Но этот стук был другим. Требовательным. Наглым.

— Рыжий! Открывай, падла! Я знаю, что ты там!

Колян.

Арсений застонал, перевернулся на спину и уставился в потолок. Жесть, покрытая слоем ржавчины и паутины. Лампочка без плафона. Провода, скрученные изолентой. Рай.

Он попытался пошевелить правой рукой — и зашипел от боли. Пальцы опухли, побелели в суставах, но держались ровно. Вчерашняя кондитерша сделала свою работу хорошо. Крепкая баба. Пышка.

— Рыжий, мать твою!

— Иду, — прохрипел он, не открывая глаз.

Он лежал на старом диване, который помнил ещё советские времена. Пружины впились в спину, запах пота, бензина и дешёвых сигарет вьелся в ткань настолько, что его можно было резать ножом. Рядом — пластиковая бутылка с водой, пепельница из банки из-под тушёнки, стопка грязных тарелок. Идеальный холостяцкий быт.

Он сел. Голова закружилась. Вчерашняя драка — он уже смутно помнил, с кем и зачем. Кажется, Колян попросил наехать на одного торгаша с рынка, который задолжал. Арсений наехал. Торгаш оказался с охраной. Охрана — с битами. Арсений — с голыми руками. Итог: торгаш в больнице с сотрясением, охрана разбежалась, а Арсений отделался сломанными пальцами и рассечённой бровью. Хороший расклад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.